

Репортаж с 62-го Каннского фестиваля.

«Царь» Павла Лунгина

Фильм Павла Лунгина «Царь» по количеству кровавых ужасов, в нем показанных и мало поддающихся описанию, удачно вписывается в апокалиптическую картину мира, заявленную на этом фестивале. Однако, в отличие от многих других картин, «Царь» все же из общей концепции выпадает: в нем человек, вбирающий в себя бога, способен противопоставить злу миру, даже если он один, а зло многолико и представлено властью цезаря. Весь фильм выстраивается в конечном счете как духовный поединок Митрополита Филиппа и Царя Ивана Грозного, выраженный в мощном дуэте двух актеров, Петра Мамонова и Олега Янковского. Именно присутствие этих двух больших актеров своей подлинностью искупает некую поверхностную декоративность, невсамделишность интерьеров (несмотря на то, что фильм снимал Том Стерн, постоянный оператор Клинта Иствуда). Роль Филиппа оказалась последней ролью Олега Янковского – он умер 20 мая, через несколько дней после Каннского показа. Теперь, когда мысленно оглядываешь все им сыгранное, то неожиданно ясно выстраивается главная линия его актерской жизни - он всегда играл

аристократов духа. В этом смысле наверное глубоко символично, что последней его ролью оказалась роль святого. Можно сказать, что это красивый уход.

Федор Колычов, известный как святитель Филипп Московский, действительно был личностью ничуть не менее значительной, чем Иван Грозный. Происходил из знатного рода, в молодости служил при дворе, а когда семья попала в опалу, бежал на север, стал монахом на Соловках, а потом игуменом. Царь Иван вспомнил о товарище юности и призвав его в столицу, когда Москва осталась без митрополита. После двух лет, в течение которых Филипп возглавлял православную церковь и единственный еще осмеливался говорить Грозному правду в лицо, он был предан опале и сослан в монастырь, а потом убит по приказу царя. «Царь» начинается с призвания Филиппа и завершается его смертью – то есть крестный путь Филиппа и есть внутренний сюжет фильма, тогда как внешне он выстроен как житие властителя и состоит из четырех глав: «Молитва Царя», «Война Царя», «Веселье Царя», «Мечь Царя». Петр Мамонов гениально играет юродство царя. Сыграть Филиппа мог лишь великий артист, способный противопоставить вере фанатика и эффектному юродству Мамонова - Грозного внутреннюю спокойную силу духа, внутренний свет истинной веры. Сейчас очевидно, лишь один такой артист и существовал в России — Олег Янковский.

Художник у власти- это страшно

Интервью с Павлом Лунгиным.

Ек.Б. - Павел, у Вас Иван Грозный не только человек образованный и умный, он еще и поэт, актер, вообще художник. И все правление его в вашем фильме напоминает хорошо поставленный и истово разыгранный спектакль. Правда, по жанру это балаган на крови, напоминающий «данс макабр».

П.Л. - Конечно, он же невероятно театрален, все время разыгрывал какой-то спектакль - то переодевался в монаха, то уступал кому-то трон, то уходил от власти, то возвращался вновь. То есть это был непрерывный спектакль, что вообще характерно для тиранов. Уходил Мао, отказывался от власти Фидель Кастро. Сталин носил солдатскую форму. За этим – желание переодеваться, быть не тем, кто ты есть. Жизнь при Сталине тоже была чрезвычайно театральна, постоянно разыгрывался какой-то огромный спектакль - вспомним эти огромные процессы, которые тоже были расписаны как действия - когда кто заплачет, когда кто признается. То есть все разыгрывалось как пьеса, не имеющая никакого отношения к реальности. Художник у власти это всегда страшно. Вспомните Нерона. Потому что художнику больше всего нужно, чтобы его любили, постоянно обожали. Именно Иван Грозный внес постоянное преклонение, как некоторую основу российской власти, и мы видим, что все это имеет место до сих пор: власть требует непрерывной неистовой любви народа.

- Именно поэтому вы взяли за тему Ивана Грозного?

- Я взялся за эту тему по многим соображениям. Особенно меня смущает то, что народ требует Ивана Грозного снова и снова. Он исчезает, но все время снова возникает в нашей истории. В недавно прошедшей телеигре «Имя Россия» он вдруг опять возник и даже вошел в число лидеров.

- Как вы это объясняете?

- Трудно это объяснить. Какая-то психоаналитическая тяжелая ситуация. Я это объясняю и тем, что Грозный в самом деле был очень сильной

личностью, определивший в какой-то степени все наше дальнейшее развитие. Например, от него идет идея о том, что царская власть должна заменить на земле Бога. Поэтому убийство митрополита Филиппа - ритуальный акт. Не надо больше святителя. Есть власть, есть Царь, и он-то и есть посредник между богом и людьми. Французы почему-то проводят прямые параллели с нынешней властью. Это смешно, и не только потому, что она не такая жестокая, но и потому что эта власть, которая любит успех, любит деньги, любит победителя, то есть совершенно другой тип. Но одновременно, как и при Иване Грозном, она снова и снова требует от народа поклонения и поцелуев в засос. А почему народ снова взывает к памяти Грозного? Тирания, как мне кажется, создает некое поле безответственности, в котором полностью отсутствуют проблемы выбора, проблемы свободы и самоограничения, проблемы конструкции гражданского общества, то есть достаточно тяжелые для человека проблемы. Народ при власти тирании глубоко анархичен в своих действиях, люди понимают, что не так живут, но выход ищут ни в самих себе, а в том, что сверху опустится некая карающая рука.

- Последняя фраза фильма, которую царь Иван произносит в пустоту - «Где мой народ», перекликается с последней репликой пушкинского Годунова «Народ безмолвствует». Это намеренное цитирование?

- Может быть. Любая тирания заканчивается страшным холодом одиночества.

- Мне показалось, что главный вопрос в вашем фильме, это вопрос о вере. Царь все время истово молится, и кажется, истово верит в Бога. Но его Бог - карающий. Но есть другой Бог, Бог Филиппа, Бог, который есть любовь.

- Да, ты права, это и есть главная тема. У нас в России, как мне кажется, вообще какое-то двоебожие. Есть Бог официальный, Бог власти, и Бог народа, бог любви. Отсюда две правды, две морали и тд. И вот корни этого раздвоения мы находим в Иване Грозном...

- В вашем фильме получается, что единственный, кто реально может противостоять всевластию самодержца и вообще, несправедливой власти, - это церковь. Есть ли в этом некий вызов сегодняшней русской церкви?

- Нет конечно, у меня изначально не было такой идеи. Хотя... После смерти Филиппа русская церковь потеряла всякую самостоятельность, а при Петре вообще, как известно, стала министерством. Только сейчас наша церковь начинает делать первые шаги к самостоятельной жизни. Конечно, есть опасность, что она снова станет официальной и снова отождествиться с властью, возьмет на себя грех власти. Чего совсем бы не хотелось, потому что в результате получается то самое раздвоение, которое мы знаем, чем кончается.